

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342.535.2

doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.113-124

РОЛЬ ПРИСЯГИ ПРИ ВСТУПЛЕНИИ ИНОСТРАНЦЕВ В РУССКОЕ ПОДДАНСТВО (XV – НАЧАЛО XX ВЕКА)

И.К. Воронин

*Дальневосточный государственный университет путей сообщения,
г. Хабаровск, 680021, Россия*

Аннотация

В статье выявлена роль присяги как формы непосредственной фиксации перехода иностранцев в российское подданство. Целью исследования является раскрытие содержания таких понятий, как «крестоцелование», «крестоприводная запись», «присяга», существовавших в России XV – начала XX в. Уделено особое внимание генезису сущности и содержания такого правового института, как «присяга». Проведен сравнительно-сопоставительный анализ присяг иностранцев и как подданных российских императоров, и как чиновников на русской службе. На основе результатов исследования сделан вывод, что уже в XVII в. смена подданства не сопровождалась сменой вероисповедания. Более того, присяга произносилась на том языке, на котором говорил иностранец, и перед священнослужителем той конфессии, к которой он принадлежал. В условиях расширения практики принятия иностранцами присяги на русское подданство наблюдается стремление законодателя унифицировать её процедуру. При этом соблюдалось главное требование к присяге – сакральность как текста, так и самого ритуала принесения присяги.

Ключевые слова: подданные монарха, присяга, клятва, крестоцелование, клятвенное обещание, государственная служба, иностранцы, русские подданные

В связи с возросшим объемом миграции иностранцев, прежде всего из стран ближнего зарубежья, в Российскую Федерацию, остро стоит вопрос об их адаптации в российском правовом пространстве. Одним из важнейших правовых механизмов такой адаптации является принесение ими присяги при вступлении в российское гражданство. Неукоснительное соблюдение процедуры принятия гражданства является гарантией соблюдения законности и правопорядка в РФ.

В широком юридическом смысле присяга рассматривается как торжественное обещание (клятва) верности [1, с. 440]. В контексте темы настоящего исследования присяга – непосредственная форма фиксации перехода иностранцев в российское подданство. Целью исследования является выявление видов присяг для иностранцев, существовавших в России XV – начала XX в. Особое внимание уделяется генезису сущности и содержания присяги как правового института. Также проводится сравнительно-правовой анализ содержания текстов присяг иностранцев на верность императору как подданных и присяги иностранцев как чиновников на русской службе.

На основе анализа правовых актов, действовавших в XV – начале XX в., выявляется роль присяги при вступлении иностранцев в российское подданство. Правоприменительная практика изучается на основе опубликованных и неопубликованных (архивных) источников. В ходе проведения научных исследований нами применялись принципы историзма и объективности, а также общие методы научного исследования (анализ, синтез, дедукция, индукция).

Как утверждают отдельные авторы (см., напр., [2, с. 206]), вплоть до конца XVII в. принятие русского подданства было тождественно принятию православия, однако с начала XVIII столетия смены вероисповедания уже не требовалось. Принцип веротерпимости дополнялся принципами индивидуальности и добровольности – никого из желающих перейти на службу к русскому государю не принуждали к вступлению в русское подданство. Когда практика перехода на русскую службу и принятие русского подданства иностранцами приобретает массовый характер, происходит унификация текстов присяги. В то же время оформляется два вида присяги иностранцев: присяга на подданство и служебная. В конечном итоге присяга сыграла огромную роль в адаптации иностранцев к российской действительности в качестве подданных нового государства.

К середине XIX в. был выработан текст присяги, единообразный для всех иностранцев, принимающих российское подданство, и зафиксированный в Своде законов Российской империи (СЗРИ). По мнению Н.Г. Русаковой, вплоть до XVIII в. принятие русского подданства было равнозначно крещению по православному обряду, а присяга на верность была введена Петром I в апреле 1721 г., когда он по случаю завершения Северной войны обратился к пленным шведам с Манифестом «О призыве Шведов в службу и о позволении им в Российском Государстве, по учинении присяги, селиться, вступать в супружество, приобретать недвижимую собственность, заниматься торговлею и промыслами» (ПСЗРИ, т. VI, с. 383–387, № 3778). Текст присяги был опубликован в том же Манифесте. Как считает Н.Г. Русакова, «впервые присяга на подданство как способ натурализации получает правовое закрепление» [2, с. 205]. Автор приводит следующие признаки присяги: а) юридический факт; б) принятие официальной клятвы (торжественного обещания) соблюдать закон и реализовывать права и обязанности в соответствии с принимаемой должностью; в) фиксация момента изменения специального правового статуса субъектов; г) осуществление в особом ритуальном порядке [3, с. 46].

Мы полагаем, что принятие присяги – это процедура, связанная с фиксацией перехода иностранцев в российское подданство, а выработка текста присяги на переход в российское подданство началась не в XVIII в., как предполагает Н.Г. Русакова, а гораздо раньше, и связано это с формированием единого централизованного русского государства, то есть с XV в. Таким образом, хронологические рамки настоящего исследования охватывают период с XV в. до начала XX столетия.

Обряд крестного целования, вероятно, появился на Руси с принятием христианства. Им сопровождали заключение частноправовых сделок. Первые документальные сведения о таких «крестоцеловальных записях» обнаруживаются в грамотах конца XIV в. (СГиД1819, с. 14). Практика их применения существенно расширяется в следующем столетии. В первой трети XVI в. Василий III стал тре-

бовать от многих удельных князей, переходивших к нему на службу, не только крестоцеловальную запись, но еще и поручные записи. Поручители гарантировали, что давший клятву на верность не перейдет впоследствии на службу к другому сюзерену, коим являлся великий князь литовский (СГид1813, с. 403–404, док. № 146).

Примечательно то, что в документах Царского (Государственного) архива, переданных в конце того же XVI в. в архив Посольского приказа и «крестоцеловальные», и поручные записи хранились в одном ящике. Последние представляли собой, по выражению В.И. Гальцова, «поручные записи на верность» [4, с. 140]. Таким образом, великий князь Московский стремился подкрепить крестоцеловальную запись, которая чаще всего была одним из процессуальных приемов между тяжущимися по частным делам, дополнительной субсидиарной ответственностью частных же лиц за поручаемого. Так в русском праве шел поиск адекватных юридических механизмов, гарантирующих службу «верой и правдой» государю как олицетворение единства государственной власти. Вероятно, что тогда (в XVI в.) одно крестоцелование не могло гарантировать выполнение подданными предъявляемых требований.

По мнению А.Ю. Челноковой, к середине XVII в. практика крестоцелования уже в полной мере представляла собой государственную присягу на верность верховному правителю – государю всея Руси [5, с. 209]. При этом по мере укрепления централизованной власти возрастала индивидуальная ответственность подданных перед самодержцем за измену, и не только своим имуществом, но и жизнью. Одновременно с этим возникло различие между иноземцем – жителем другой русской земли и иностранцем – жителем другой страны.

По мнению М.В. Королевой, началом трансформации присяги от обязательств личной верности князю к подданству государю, воплощающему собой государство, следует считать введение Борисом Годуновым обязательного ритуала целования креста. Свидетельством указанного ритуала может являться Смоленская крестоприводная книга 1598 г., опубликованная С.П. Мордовиной и А.С. Станиславским¹. Крестоцелование проходило в церквях по образцовым крестоприводным записям под руководством священников [6, с. 594].

Текст грамоты Алексея Михайловича от 30 января 1657 г. виленскому воеводе Шаховскому «О недопущении поляков и литовцев в город Вильну за чинимые от них грабежи и обиды»: «...И ты бы тех приводил к вере...»² (ПСЗРИ1, т. I, с. 414, № 198) – можно трактовать как принятие ими обряда святого крещения, что вряд ли было приемлемо для большинства из них, так как они были католиками. Поэтому, на наш взгляд, истине соответствует другая трактовка формулы «привести к вере», а именно как принятие от иностранцев присяги на верность русскому царю.

Подтверждением этого тезиса служит тот факт, что в 1682 г. английские «гости» (купцы) Томас Кальдерман, Иван Еремеев сын Марсов, Павел Яковлев сын Вестов, Павел Юрьев сын Вестов³ «были у веры» в Посольском приказе и произнесли клятву верности русским царствующим особам – малолетним брать-

¹ Смоленская крестоприводная книга 1598 г. / Подгот. к печ. С.П. Мордовина, А.С. Станиславский) // Источники по истории русского языка. М., 1976. С. 131–166.

² Имелись в виду литовцы и поляки.

³ Имена и фамилии иностранцев, вероятно, русифицированы.

ям Иоанну и Петру Романовым. Текст присяги сохранился и был опубликован в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗРИ1, т. II, с. 403, № 924). Присяга Петру Алексеевичу была принесена в некоторых местах дважды: сначала ему одному, а затем – после стрелецкого бунта – ему и брату Ивану Алексеевичу, провозглашенным соправителями [7, с. 76]. В алфавитном указателе к первому изданию ПСЗРИ Указ Алексея Михайловича помещен в рубрику «Подданство и присяга на оное». Таким образом, и составители ПСЗРИ трактовали «приведение к вере» не как совершение обряда крещения, а как принятие присяги (ПСЗРИ1, т. XLII, ч. 2, с. 445).

При Алексее Михайловиче существовало различие между: 1) крестоцелованием как актом принесения подданными присяги на верную и беспорочную службу государю; 2) крестоцелованием как клятвой на истинность показаний; 3) крестоцелованием как актом принятия святого крещения, в том числе иноверцами, среди которых могли быть и иностранцы. Однако следует признать и тот факт, что строгого разграничения между всеми этими понятиями тогда еще не было, так же как не был законодательно закреплён сам текст присяги. Присяга английских купцов – первое зафиксированное отечественными законодателями – систематизаторами права – клятвенное обещание иностранцев, принимающих российское подданство. Несмотря на свою краткость, она содержит все элементы, которые, так или иначе, имеются в других клятвенных обещаниях иностранцев при принятии российского подданства [8, с. 3; 9, с. 62; 10, с. 73; 11, с. 68]. И текст клятвы 1682 г., и Манифест Петра I, и грамота Алексея Михайловича имели ситуационный характер. В первом случае закон был обращен к группе английских купцов, во втором – к пленным шведам, в третьем – к полякам и литовцам.

Петр «открыл окно в Европу», через которое в Россию на русскую службу хлынули иностранцы, и прежде всего немцы. Политика изоляционизма сменилась политикой привлечения на русскую службу иностранцев. Учитывая это обстоятельство, Правительствующий Сенат в Указ от 27 августа 1747 г. «О клятвенном обещании иностранцев, желающих присягать на вечное подданство России» включил текст присяги иностранцев, желающих принять русское подданство, переведенный на немецкий язык. Он был отпечатан на двух языках в типографии Академии наук в количестве 500 экземпляров и разослан в коллегии – Адмиралтейскую, Военную и Иностранную, в которых по большей части и служили иностранцы. Кроме того, определенное количество экземпляров было непосредственно отправлено в Рижскую, Ревельскую и Выборгскую губернии, через которые шел основной поток иностранцев из германских государств (ПСЗРИ1, т. XII, с. 748–749, № 9434). Важно подчеркнуть, что в XVIII в. слово «крестоцелование» в законодательстве вытесняется словом «присяга» (ПСЗРИ1, т. XLII, ч. 2, с. 445–446). В период просвещенного абсолютизма верх берет светская форма схожих понятий. При этом слово «крестоцелование» может толковаться двояко (в зависимости от контекста) – именование как частноправового, так и публичного акта. Слово «присяга», как правило, употреблялось более как именование публичного акта, связанного с принятием иностранцами русского подданства. Структурный анализ текста присяги от 27 августа 1747 г. позволяет выявить следующие его элементы:

1. Вступающий в российское подданство называл свое имя, указывал, что он (уже) бывший подданный другого государства.

2. Клятва обращена к Богу как свидетелю происходящего.

3. Обращение к царствующей особе, в котором подчеркивается её самодержавная власть как верховного правителя страны⁴.

4. Заверение в верной службе лично вышепоименованным и в соблюдении российских законов, охраняющих права и привилегии вступивших в подданство.

5. Перечисление государственных преступлений, которые можно отнести к разряду «измены» государю, включая:

– разглашение государственной тайны;

– участие в заговорах и доноительство об оных властям предержащим.

6. В заключении следовало обращение к Богу, который «душевно и телесно» поможет приносящему присягу. Предваряя дальнейшие действия, присягающий говорил о том, что в знак преклонения перед Богом «целует слова и крест Спасителя».

В начале XIX в., в эпоху Наполеоновских войн и кризиса российско-французских отношений, Россия вынуждена была принять ряд мер, направленных на укрепление её безопасности. В соответствии с именным Указом Александра I, данным Сенату 28 ноября 1806 г., «О высылке из России всея подданных Французских и разных Немецких областей, которые не пожелают вступить в подданство; не пропуск оных в Россию без паспортов Министра Иностранных дел; о прекращении действия торгового договора с Францией и об учреждении Комиссии для разбора иностранцев» (ПСЗРИ1, т. XXIX, с. 884–891, № 22.371), все подданные Франции и контролируемых ею областей Европы должны были либо принять подданство России, либо покинуть её пределы, либо получить новый вид на жительство⁵. В тексте присяги, включенной в указанный выше именной Указ императора, вопрос о подданстве был поставлен жестко – новые подданные вступали в подданство навечно и ни при каких условиях не могли его сменить, так как это было равносильно преступлению – «измене». Устанавливались четкие сроки принятия присяги, оговаривался строгий порядок её проведения. В особую категорию попадали французские офицеры, находившиеся на территории России либо по делам французской службы, либо как эмигранты, бежавшие из своей страны от революции. Все они ставились на учет и в кратчайшие сроки должны были решить – принять российское подданство или покинуть Россию. По сути, нарушался принцип добровольности принесения присяги, утвердившийся в российском праве еще с XVII в. Однако надо иметь в виду то обстоятельство, что российское правительство действовало в чрезвычайных обстоятельствах в преддверии нападения Наполеона на Россию.

⁴ Кроме того, в этой части присяги упоминались (именно упоминались, не более) имя и титул наследника престола, что служило, с одной стороны, напоминанием о прочности царской власти, имеющей свое продолжение в лице наследника, с другой – обеспечивало преемственность присягнувшего в верности российскому престолу. Среди преемников царского престола, обозначенных в тексте присяги, были не только естественные преемники, то есть дети, точнее сыновья, царствующей особы, но и назначенные ею быть таковыми. Так, Елизавета вписала в текст присяги своего племянника, будущего Петра III.

⁵ Возможность получить новый вид на жительство и остаться жить в России, занимаясь профессиональной деятельностью, получили: французские купцы, торгующие в России не менее 15 лет, французы – профессора и преподаватели учебных заведений, учителя, работавшие по найму, и лица, находившиеся в услужении у частных лиц (см. (ПСЗРИ1, т. XXIX, с. 884–891, № 22.371)).

Ввиду чрезвычайности мер, проводимых царскими властями, в Санкт-Петербурге и других городах создавались специальные комиссии по принятию присяги у иностранцев. Имелись в виду не только французы, но и означенные в Указе голландцы, итальянцы, немцы, проживавшие на землях по левому берегу Рейна (ПСЗРИ1, т. XXIX, с. 884–891, № 22.371).

Текст присяги, обнародованный после неожиданной смерти Александра I и вступления на престол его брата Николая Павловича, также почти повторял предыдущие. Но акцент был сделан на недопустимости участия подданных в различного рода тайных заговорах против царствующей особы. Обо всех этих фактах иностранец, став русским подданным, должен был сообщать властям (ПСЗРИ2, т. I, с. 22, № 13).

Следует отметить то обстоятельство, что текст присяги чиновников на верность службе почти полностью совпадал с текстом присяги на подданство с тем отличием, что первая служила подтверждением искренности верной и непорочной службы новому императору, содержа, помимо апелляции к суду божьему, и предостережение об ответственности перед земным судом, вторая – заверением в верности службы царю и, возможно, в искренности намерений нового подданного (ПСЗРИ2, т. I, с. 24, № 13).

В последующем, когда внутренняя обстановка в стране стабилизировалась, Николаю I удалось осуществить систематизацию русского законодательства, издав в 1832 г. Свод законов Российской империи. Позднее был унифицирован текст присяги, опубликованный в виде приложения к статье 847 «Клятвенное обещание на подданство» тома 9, в котором находится Свод о состояниях (СЗРИ1889, т. 9, с. 194, прил. к ст. 847).

Основополагающий принцип принесения присяги на подданство иностранцами – принцип добровольности [12, с. 91], утвердившийся в России еще со времен Алексея Михайловича, – был реализован в Своде законов. Даже Указ Александра I, обращенный к французам и представителям других народов Европы, подконтрольных французскому императору, не лишал их выбора – принимать или не принимать российское подданство. Исключение составляли, как указано выше, по понятным причинам лишь французские офицеры. О добровольном порядке принесения присяги иностранцами свидетельствует и то, что присяга произносилась на родном языке иностранца. Также власти брали на себя обеспечение перевода процедуры принесения присяги переводчиком. В документах сохранились их имена. Присягу английских купцов переводил Андрей Юрьев (вероятно, обрусевший англичанин «сын Крефта»). Квалифицированные переводчики имелись только в Посольском приказе, позднее в Иностранной коллегии, а в XIX в. – в Министерстве иностранных дел. Указанные выше купцы не только произносили присягу по-английски, но и «по своей вере обещались... при пасторе Александре Юхне». Правда, если анализировать текст присяги 1682 г., то в нем нет указания на то, что каждый присягающий произносил клятву индивидуально (ПСЗРИ1, т. II, с. 403, № 924). Однако уже текст присяги, включенной в Манифест Петра I, изданный в апреле 1721 г., начинался со слов «Я имярек, родом из N: N: обещаюсь и клянусь...» (ПСЗРИ1, т. VI, с. 383, № 3778).

⁶ Примечательно, что эта присяга уже называется не крестоцелованием, а клятвенным обещанием.

В последующих указанных нами текстах присяг эта формула повторяется в той или иной интерпретации. Принципы добровольности и индивидуализации были закреплены в Высочайше утвержденном мнении Государственного совета 10 февраля 1864 г., в ст. 6 которого прямо говорилось: «Принятие русского подданства есть всегда личное для того, который его удостоился...» (ПСЗРИ2, т. XXXIX, отд. 1, с. 107, № 40588).

Эти принципы – добровольность и индивидуальность – при принятии российского подданства действовали и для детей иностранцев, которые выросли в России, но чьи родители не были российскими подданными. Они по достижении совершеннолетия в течение года в льготном порядке могли выбирать – принести или не принести присягу на подданство. Льготный порядок заключался в том, что им не надо было испрашивать права водворения в пределы Российской империи, ждать установленного срока, чтобы обратиться в Министерство внутренних дел с прошением о принятии российского подданства. Все вопросы натурализации юного иностранца решались на уровне губернского правления той губернии, в которой он и его родители проживали [14, с. 278].

В этом отношении показательна судьба некоего Августа Иосифовича Маркса, родившегося 7 февраля 1877 г. в Сызрани. В 1898 г., в возрасте 21 года, он обратился к губернатору Забайкальской области с прошением о принятии его в российское подданство и получил предварительно водворительное свидетельство. После этого он переехал в Благовещенск, где служил помощником капитана на пароходе Товарищества Амурского пароходства. В феврале 1902 г. он подал аналогичное прошение, но уже в адрес губернатора Амурской области, подкрепив просьбу свидетельством о водворении. Департамент общих дел МВД разъяснил губернатору, что вопрос о принятии российского подданства А.И. Марксом, как иностранцем, родившимся в России и обратившимся к властям с соответствующим прошением до истечения года после достижения им совершеннолетия, может быть решен местными властями самостоятельно. (РГИА ДВ, л. 1–5 об.). В декабре 1902 г. по решению Амурского областного губернатора в помещении Амурского губернского правления А.И. Маркс принес присягу на подданство российскому императору (РГИА ДВ, л. 15–17).

Кроме того, юношам-иностранцам, родившимся и выросшим в России или получившим здесь образование, давалось право в годичный срок поступить на гражданскую службу, не принимая подданства, но дав клятву на верность службе. Присяги, произносимые принимаемыми на государственную службу иностранцами (не подданными Российской империи) и российскими подданными, текстуально совпадали (СЗРИ1857, т. 3, с. 85–86, ст. 409–410). Однако в 1844 г. император утвердил мнение Государственного совета, согласно которому из преамбулы служебной присяги были убраны слова «своему истинному и природному»⁷, обращенные к Высочайшей особе – Государю Императору. Члены Госсовета исходили из того, что указанная выше словесная формула уместна лишь для

⁷ Кроме того, в этой части присяги упоминались (именно упоминались, не более) имя и титул наследника престола, что служило, с одной стороны, напоминанием о прочности царской власти, имеющей свое продолжение в лице наследника, с другой – обеспечивало преемственность присягнувшего в верности российскому престолу. Среди преемников царского престола, обозначенных в тексте присяги, были не только естественные преемники, то есть дети, точнее сыновья, царствующей особы, но и назначенные ею быть таковыми. Так, Елизавета вписала в текст присяги своего племянника, будущего Петра III.

русских подданных, вступающих на государственную службу⁸. Пропустившие льготный срок принесения присяги в российское подданство дети иностранцев, достигшие совершеннолетия, получали его на общих основаниях.

Однако принцип индивидуальности принесения присяги, продекларированный в ст. 6 закона 1864 г. «О правилах относительно принятия и оставления иностранцами Русского подданства», нарушается предыдущей статьей этого нормативного акта. В ней говорится о том, что замужние женщины не могут приносить присягу на принятие подданства отдельно от своих мужей (ст. 5) (ПСЗРИ2, т. XXXIX, отд. 1, с. 107, № 40588). Фактически, как и подобает феодальному праву, правовой статус женщин был произведен от статуса их мужей. Так, согласно ст. 17 того же закона, иностранки, вступившие в брак с русскими подданными, автоматически, без присяги, меняли свое подданство на русское точно так же, как и жены иностранцев, принявших русское подданство (ПСЗРИ2, т. XXXIX, отд. 1, с. 109, № 40588). Это состояние они сохраняли и в том случае, если становились вдовами или разводились со своими мужьями⁹.

Выше уже говорилось, что присяга на подданство иностранцами, как явствует из нормативных актов еще XV – XVII вв., давалась на их родном или доступном для них языке (в том числе на русском), обычно перед духовною особою того вероисповедания, к которому относился присягающий. Но поскольку принятие присяги на русское подданство было тогда еще редким явлением, то принимали её должностные лица Посольского приказа – одного из ключевых ведомств Московской Руси.

Текст присяги со времен Петра I имел огромное значение для формирования чувства верности престолу, а сама присяга стала основным содержанием понятия воинской чести, которая стала восприниматься как нравственная категория, скреплявшая обет верности государю и Отечеству, чьими сынами были подданные Российской империи [13, с. 7].

В XVIII в. Российская империя превратилась в европейскую державу, что сделало её привлекательной для многих иностранцев. Многие из них не прочь были получить гражданские или военные чины. Для продвижения по государственной службе, успешного ведения коммерческих дел также необходимо было получить статус российского подданного. Не единичный, но ставший регулярным характер вступления в русское подданство вызвал необходимость в привлечении к принятию присяги от иностранцев служащих не только центральных, но и территориальных органов управления.

Итак, присяга как форма фиксации (регистрации) перехода в русское (российское) подданство возникает еще в XV в. и утверждается в следующем столетии по мере укрепления централизованного государства. Цель присяги, безусловно, не только зафиксировать факт перехода иностранцев в российское подданство, но и укрепить их правовую связь с русским государством. В рассматриваемый период присяга эволюционировала от частноправового акта к публичному, в ходе осуществления которого менялся статус личности: из чужестранца или иностранца

⁸ Примечательно, что эта присяга уже называется не крестоцелованием, а клятвенным обещанием.

⁹ Однако законодатель проявил определенную заботу о женщинах, бывших ранее русскими подданными, но вступивших в брак с иностранцами. Безусловно, по закону 1864 г., они меняли свое подданство с русского на иностранное. Но в случае отпадения причин таких перемен – за смертью мужа или из-за развода с ним – русские женщины возвращались в прежнее свое подданство, предъявив начальству документы, свидетельствующие о прекращении ими своего брачного состояния.

он становился подданным российского централизованного государства. Это не было равнозначно принятию православной веры, так как от приносящих присягу вовсе не требовали смены вероисповедания. Процедура принесения присяги со временем мало изменилась – она ВСЕГДА проходила в торжественной обстановке и не обязательно в церкви, но непременно в присутствии священника той конфессии, которую исповедовал присягающий. В дальнейшем, когда практика перехода на русскую службу и принятие русского подданства иностранцами приобретает массовый характер, происходит унификация текстов присяги. В XIX в. все более последовательно реализуются принципы индивидуализации и добровольности принятия русского подданства иностранцами, что создает благоприятные условия для перехода в российское подданство многочисленных иностранцев, проживавших в пределах Российской империи. Как показывает кризис начала XIX в., ужесточение требований к принятию присяги на русское подданство французами способствовало усилению безопасности страны.

Источники

- ПСЗРИ1 – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. 1649–1825 гг.: в 50 т. / Под ред. М.М. Сперанского. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. I: 1649–1675 гг. 1072 с.; Т. II: 1676–1688 гг. – 979 с.; Т. IV: 1700–1712 гг. 890 с.; Т. VI: 1720–1722 гг. 817 с.; Т. XII: 1744–1748 гг. 962 с.; Т. XXIX: 1806–1807 гг. 1391 с.; Т. XLII, ч. 2: Указатель алфавитный. 1348 с.
- ПСЗРИ2 – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 – 28 февраля 1881: в 55 т. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Т. I: 12 декабря 1825 г. – 1827 г. – 1527 с.; Т. XIX, отд. 1: 1844 г. 1446 с.; Т. XXXIX, отд. 1: 1864 г. 976 с.
- РГИА ДВ – Российский Государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. 704. Оп. 1. Д. 609: О принятии российского подданства иностранцами. Л. 1–17.
- СЗРИ1857 – Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Первого составленный: издание 1857 года. СПб.: Тип. Второго отд-ния Собств. е.и.в. канцелярии, 1857. Т. 3: Уставы о службе гражданской. 1414 с.
- СЗРИ1889 – Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Первого составленный: издание 1889 года. СПб.: Тип. Второго отд-ния Собств. е.и.в. канцелярии, 1889. Т. 9. 647 с.
- СГид1813 – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Часть первая. М.: Изд. на средства Н.П. Румянцева, 1813. 533 с.
- СГид1819 – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Часть вторая, служащая дополнением к первой. М.: В тип. Селивановского, 1819. 399 с.

Литература

1. Додонов В.Н., Ермаков В.Д., Крылова М.А. Большой юридический словарь. М.: Инфра-М, 2001. 790 с.
2. Русакова Н.Г. Присяга при приобретении гражданства Российской Федерации иностранцами // Юридическая наука и практика: Вестн. Нижегород. акад. МВД России. 2017. № 4(40). С. 205–207.

3. *Русакова Н.Г.* Присяга как общеправовой феномен. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. акад. МВД России, 2010. 119 с.
4. *Гальцов В.И.* Архив Посольского приказа во второй половине XVI – начале XVII вв. // Археографический ежегодник за 1981 г. М.: Наука, 1982. С. 134–148.
5. *Челнокова А.Ю.* Текст и контекст крестоцеловальных записей XVII века // Текст, контекст, интертекст: Сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф. «XIV Виноградовские чтения», Москва, 16–17 октября 2015 г. / Отв. ред.: И.А. Бирич, В.А. Коханова, А.Ю. Челнокова. М.: Моск. гор. педагог. ун-т, 2016. С. 205–210.
6. *Королева М.В.* Становление государственной присяги в России после Смутного времени // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2019. № 6. С. 593–596.
7. *Королева М.В.* Процедура государственной присяги в России XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 4(82). С. 73–82. doi: 10.25986/IRI.2020.82.4.004.
8. *Боков Ю.А.* К вопросу об использовании понятий «гражданин» и «подданный» в правовых и научных источниках // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 5. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7280>, свободный.
9. *Ванюшин Я.Л.* Гражданство и подданство: некоторые вопросы соотношения // Проблемы права. 2010. № 1(21). С. 61–65.
10. *Галушкин А.А.* К вопросу о понятиях «гражданство» и «подданство» в их философско-правовом восприятии // Государство и право. 2013. № 11. С. 73–76.
11. *Евтушенко В.И.* Институт подданства и гражданства в России: историко-правовые параллели // Государство созидующее: правовые ресурсы формирования: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 25-летию юридического института НИУ «БелГУ», Белгород, 22 ноября 2018 г. Белгород: ООО ГиК, 2018. С. 67–70.
12. *Бенда В.Н.* Предназначение различного рода и содержания «клятвенных обещаний» и «присяг на верность», используемых в постпетровское время XVIII в. // Клио. 2018. № 9(141). С. 88–95.
13. *Гончарова Е.В., Павлова М.М.* К вопросу о государственной политике в отношении правового положения сословий Российской империи первой половины – середины XVIII в. // Метаморфозы истории. 2022. № 25. doi: 10.37490/S230861810023093-2. URL: <https://history-metamorph.ru/s230861810023093-2-1/>, свободный.

Поступила в редакцию 20.05.2023

Принята к публикации 19.09.2023

Воронин Иван Константинович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и история государства и права»

Дальневосточный государственный университет путей сообщения

ул. Серышева, д. 47, г. Хабаровск, 680021, Россия

E-mail: voronin@festu.khv.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.113-124

**The Role of the Oath Taken by Foreigners for Becoming Naturalized Russian Citizens
(from the 15th to the Early 20th Century)**

I.K. Voronin

Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, 680021 Russia

E-mail: voronin@festu.khv.ru

Received May 20, 2023; Accepted September 19, 2023

Abstract

This article considers the role of the oath of Russian citizenship as confirmation that foreigners become naturalized as Russian citizens. The concepts of “cross kissing”, “cross-kissing record”, and “oath” are examined in relation to the procedure of citizenship acquisition in Russia from the 15th to the early 20th century. Particular emphasis is placed on the genesis of the essence and scope of the oath institution in Russia. A comparative analysis is performed on the oaths taken by foreigners to assume the positions of public officials and subjects of the Russian emperors. The obtained results show that the change of citizenship did not entail compulsory religious conversion as long as the 17th century. All applicants for Russian citizenship had the right to take the oath in their native language and in front of the clergy member representing the religion they professed. As the oath of citizenship gained legitimacy and popularity in Russia, the lawmakers tried to unify the procedure, while ensuring that the oath text and ceremony remain sacred.

Keywords: subjects of the monarch, oath, vow, cross kissing, sworn statement, public service, foreigners, Russian subjects

References

1. Dodonov V.N., Ermakov V.D., Krylova M.A. *Bol'shoi yuridicheskii slovar'* [The Great Dictionary of Law]. Moscow, Infra-M., 2001. 790 p. (In Russian)
2. Rusakova N.G. The oath of Russian citizenship taken by foreigners. *Yuridicheskaya Nauka i Praktika: Vestnik Nizhegorodskoi Akademii MVD Rossii*, 2017, no. 4(40), pp. 205–207. (In Russian)
3. Rusakova N.G. *Prisyaga kak obshchepравovoi fenomen* [The Oath as a General Legal Phenomenon]. Nizhny Novgorod, Izd. Nizhegorod. Akad. MVD Rossii, 2010. 119 p. (In Russian)
4. Gal'tsov V.I. The archive of the Ambassadorial Prikaz in the second half of the 16th–early 17th centuries. In: *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1981 g.* [Archaeographic Annual of 1981]. Moscow, Nauka, 1982, pp. 134–148. (In Russian)
5. Chelnokova A.Yu. Text and context of the cross-kissing records of the 17th century. In: *Tekst, kontekst, intertekst: Sb. nauch. st. po materialam Mezhdunar. nauch. konf. “XIV Vinogradovskie chteniya”*, Moskva, 16–17 oktyabrya 2015 g. [Text, Context, and Intertext: Proc. Int. Sci. Conf. “XIV Vinogradov Lectures”, Moscow, Oct. 16–17, 2015]. Birich I.A., Kokhanova V.A., Chelnokova A.Yu. (Eds.). Moscow, Mosk. Gor. Pedagog. Univ., 2016. pp. 205–210. (In Russian)
6. Koroleva M.V. Development of the oath of allegiance in Russia after the Time of Troubles. *Rus', Rossiya. Srednevekov'e i Novoe Vremya*, 2019, no. 6, pp. 593–596. (In Russian)
7. Koroleva M.V. The oath of allegiance in Russia during the 17th century. *Drevnyaya Rus'. Voprosy Medievistiki*, 2020, no. 4(82), pp. 73–82. <https://doi.org/10.25986/IRI.2020.82.4.004>. (In Russian)
8. Bokov Yu.A. On the use of the concepts of “citizen” and “subject” in legal and scientific sources. *Sovremennye Problemy Nauki i Obrazovaniya*, 2012, no. 5. URL: <https://science-education.ru/>

- article/view?id=7280. (In Russian)
9. Vanyushin Ya.L. Citizenship and nationality: Some problems of correlation. *Problemy Prava*, 2010, no. 1(21), pp. 61–65. (In Russian)
 10. Galushkin A.A. On the problem of the concepts of “citizenship” and “nationality” in their philosophical and legal perception. *Gosudarstvo i Pravo*, 2013, no. 11, pp. 73–76. (In Russian)
 11. Evtushenko V.I. The institution of citizenship and nationality in Russia: Historical and legal parallels. *Gosudarstvo sozidayushchee: pravovye resursy formirovaniya: Materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashchennoi 25-letiyu yuridicheskogo instituta NIU “BelGU”, Belgorod, 22 noyabrya 2018 g.* [The State that Creates: Legal Resources of Development: Proc. Int. Sci.-Pract. Conf. Celebrating the 25th Anniversary of the Institute of Law of Belgorod State University, Belgorod, Nov. 22, 2018]. Belgorod, OOO GiK, 2018, pp. 67–70. (In Russian)
 12. Benda V.N. The purpose and essence of various kinds of “sworn statements” and “oaths of allegiance” used in the post-Peter the Great period of the 18th century. *Klio*, 2018, no. 9(141), pp. 88–95. (In Russian)
 13. Goncharova E.V., Pavlova M.M. On the state policy regarding the legal status of the estates of the Russian Empire in the first half and middle of the 18th century. *Metamorfozy Istorii*, 2022, no. 25. URL: <https://history-metamorph.ru/s230861810023093-2-1/>. <https://doi.org/10.37490/S230861810023093-2>. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Воронин И.К. Роль присяги при вступлении иностранцев в русское подданство (XV – начало XX века) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2023. Т. 165, кн. 4–5. С. 113–124. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.4-5.113-124>. ⟩

⟨ **For citation:** Voronin I.K. С The role of the oath taken by foreigners for becoming naturalized Russian citizens (from the 15th to the early 20th century). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 4–5, pp. 113–124. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.4-5.113-124>. (In Russian) ⟩